

Содержание

<i>Александр Павлов. Критическая топология</i>	
Бён-Чхоль Хана	7
Введение	16
Часть I: МАКРОФИЗИКА НАСИЛИЯ	
1. Топология насилия	21
2. Археология насилия	28
3. Психика насилия	41
4. Политика насилия	60
5. Макрологика насилия.	91
Часть II: МИКРОФИЗИКА НАСИЛИЯ	
1. Системное насилие	105
2. Микрофизика власти	113
3. Насилие позитивности	121
4. Насилие прозрачности	131
5. Medium is Mass-Age	139
6. Ризоматическое насилие	149
7. Насилие глобализации	156
8. Homo liber	164
Примечания	173

Критическая топология Бён-Чхоль Хана

«Топология насилия» — пятая книга немецкого философа корейского происхождения Бён-Чхоль Хана, которая выходит в проекте «Лед». Другие книги мыслителя, которые вышли на русском языке в проекте, — это «Агония эроса», «Общество усталости», «Аромат времени» и «Кризис повествования»*. При этом в оригинале, то есть на немецком, «Аромат времени» появился в 2009 году, «Общество усталости» в 2010 году, «Прозрачное общество» (единственная из переведенных книг Хана, которая вышла не в проекте «Лед») и «Агония эроса» в 2012 году, а «Кризис повествования» — совсем свежий текст — в 2023 году. Не без гордости отмечу, что хотя с русскими переводами Хана мы немного отстаем от англоязычной академии, зато «Кризис повествования» в России появился в 2023 году — в год публикации оригинала, а на английском — только в 2024 году. «Топология насилия» увидела свет на немецком в 2011 году, а на английском — в 2018 году. То есть из пяти изданий Хана в проекте

* Бён-Чхоль Хан. Агония эроса. Любовь и желание в нарциссическом обществе. М.: Издательство АСТ, 2023; Бён-Чхоль Хан. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. М.: Издательство АСТ, 2023; Бён-Чхоль Хан. Аромат времени. Философское эссе об искусстве созерцания. М.: Издательство АСТ, 2023; Бён-Чхоль Хан. Кризис повествования. Как неолиберализм превратил нарративы в сторителлинг. М.: Издательство АСТ, 2023.

«Лед» хронологически «Топология насилия» хорошо вписывается в контекст уже вышедших книг и как бы сгущает мысль Хана периода 2009–2012 годов. Каким же образом «Топология насилия» «бьется» с другими книгами философа, вышедшими в России?

Давайте обратим внимание на то, что названия указанных книг Хана состоят из двух слов: «эрос» и «агония», «усталость» и «общество», «повествование» и «кризис», «время» и «аромат» и т. д. Исходя из этого, сразу бросается в глаза то, что тематически книги Хана могут быть разделены условно на «негативные» и «позитивные», или «пессимистические» и «оптимистические», или лучше сказать: «критические» и «аналитические». В критических философ дает не слишком положительный диагноз современному обществу позднего модерна: эрос агонизирует, общество устало, повествование в кризисе. Зато в аналитических он немного более оптимистичен. И хотя Бён-Чхоль Хан продолжает критиковать сегодняшнее общество и в целом нынешнюю эпоху, в «аналитических» сочинениях он куда более благосклонен к стратегиям спасения современного субъекта — аромату времени, глубокой скуке, созерцательной жизни и т. д. Пока на русском мы видели только одну умеренно оптимистическую книгу Хана — «Аромат времени». «Топология насилия», очевидно, относится к критическим сочинениям корпуса работ Хана, что неудивительно — их у него в целом большинство. Однако эту книгу отличает некоторая парадоксальность названия. Если с «Кризисом повествования» и «Агонией эроса» все ясно, то, скажем, «Аромат времени» интригует читателя уже заголовком — как время может источать аромат? То же и с «Топологией насилия». Несмотря на то, что на первый взгляд название

нам кажется понятным, при внимательном рассмотрении все оказывается не так уж и просто.

Слово «топология» представляется обманчиво простым и похожим на такие слова, как «типология» или «топография». И хотя слова «типология», «топография» и «топология» созвучны, они отнюдь не синонимичны. Да, слово «топология» будто бы знакомо или, по крайней мере, интуитивно ясно, но на самом деле оно не часто попадает в наш повседневный вокабуляр или даже активный словарь гуманитарных наук, потому что это раздел геометрии, который посвящен качественным свойствам фигур. Этимологически термин происходит от древнегреческих слов τόπος («место») и λόγος («слово») и буквально означает «изучение места или пространства». Как раздел геометрии, в самом общем виде топология изучает связность фигур. Бён-Чхоль Хан, конечно, не раскрывает своего замысла относительно использования термина, но очевидно, что он имеет в виду исследование связности различных конфигураций насилия. Даже не столько связности самого насилия, сколько связности конфигураций философской мысли о насилии.

Фактически названием этой книги Бён-Чхоль Хан приоткрывает тайну метода своей философской работы. Собственно, это и есть топология. Философская топология чего-то. Свои рассуждения Хан часто строит на идеях мыслителей, которые уже высказались по теме и попали в первые и вторые ряды интеллектуальной истории. В случае «Топологии насилия» это постоянные герои книг Хана: Вальтер Беньямин, Карл Шмитт, Ханна Арендт, Мишель Фуко, Жан Бодрийяр, Рене Жирар, Джорджо Агамбен, Антонио Негри и Майкл Хардт и т. д. Но важно, что чаще всего Хан не столько ведет диалог с современными евро-

пейскими философами и социологами, сколько полемизирует. Он абсолютно не стесняется заявлять, что Фуко, Агамбен или дуэт Негри-Хардта не замечают, не понимают, не додумывают до конца и т. д. Хан в своих рассуждениях отталкивается от того, чтобы сперва кратко описать, а затем оспорить какую-нибудь важную философскую идею конкретного мыслителя. Так, Бён-Чхоль Хан заявляет, что мы живем уже не в дисциплинарном обществе, описанном Фуко, а в обществе производительности. Но если в выражениях о Фуко Хан еще как-то стесняется, то про Агамбена он пишет прямо: проживая в производительном обществе, тот занимается тем, что продолжает описывать актуальное общество как общество суверенитета, в конце концов рассуждая анахронистически. Таким образом, с точки зрения методологии все размышления Бён-Чхоль Хана оказываются связанными или последовательными — он буквально критически топологизирует ту или иную тему.

Некоторая проблема, связанная с философским анализом насилия вообще, заключается в том, что данная тема огромна. И поэтому в любом случае приходится выстраивать повествование определенным образом. Так, политический теоретик Джон Кин пытается доказать, что демократиям чуждо насилие, а если демократии и используют насилие, то оно демократическое*. Политический философ Этьен Балибар ратует за новое понимание политики как борьбы с насилием, которая поможет достигать, поддерживать и развивать вежливость (civility)** . Философ Марк Воробей мыслит совсем иначе. В своей

* Keane J. *Violence and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

** Balibar É. *Violence and Civility: on the Limits of Political Philosophy*. New York: Columbia University Press, 2015.

крайне важной книге «Концепт насилия» он сразу заявляет, что литература по теме насилия обширна и потому он собирается решать теоретические, а не эмпирические задачи посредством обращения к трем философским традициям: либеральной философской традиции (для которой насилие — применение агентами физической силы с намерением причинить вред), теории Йохана Галтунга (для которого насилие тождественно факту причинения вреда) и философской традиции, для которой насилие — нарушение морального порядка*. Воробей ни разу не упоминает, например, Вальтера Беньямина или Джорджо Агамбена, но это и не входит в рамки его исследования. Зато буквально треть его книги посвящена концепции норвежского социолога Йохана Галтунга. Это лишь несколько примеров того, как философы и политические теоретики мыслят насилие. В отличие, скажем, от Воробья, Хан вступает в полемику и с Беньямином, и с Агамбеном (сам Агамбен посвящает свое эссе «О границах насилия» интерпретации Беньямина**), и с Галтунгом. То есть он старается учесть по возможности всю социально-философскую традицию размышлений о насилии, топологизируя ее. И хотя у него, скажем честно, это не всегда получается (например, из его критической топологии выпадает важный текст Ханны Арендт «О насилии»***), Хан своей кни-

* Vorobej M. *The Concept of Violence*. New York: Routledge, 2016.

** Agamben G. *On the Limits of Violence* // *Diacritics*. 2009. Vol. 39. № 4. P. 103–111. Об этом см.: Primera G. *Biopolitics and Resistance: The Meaning of Violence in the Work of Giorgio Agamben* // Rae G. Ingala E. (eds.). *The Meanings of Violence: From Critical Theory to Biopolitics*. New York: Routledge, 2018.

*** Арендт Х. *О насилии*. М.: Новое издательство, 2014.

Введение

Есть вещи, которые никуда не деваются. К ним принадлежит насилие. Неприязнь к насилию не является отличительной чертой современного человека¹. Просто насилие бывает разным. Форма его проявления меняется в зависимости от той или иной общественной констелляции. Сегодня оно сдвигается, из видимого переходя в невидимое, из фронтального превращаясь в виральное, из реального переносясь в виртуальное, из физического — в психическое, из негативного — в позитивное, отступает в подкожные, субкоммуникативные, капиллярные и нейронные пространства, из-за чего складывается обманчивое впечатление, будто оно исчезло. В определенный момент оно становится совершенно невидимым и совпадает с противоположной ему фигурой, а именно — со свободой. Воинственное насилие постепенно уступает анонимному, бессубъектному, системному насилию, которое как таковое трудно заметить, потому что оно совпадает с самим обществом.

«Топология насилия» обращается в первую очередь к тем *макроскопическим* проявлениям насилия, которые выступают в форме *негативности*, то есть распадаются на биполярные, напряженные отношения между *Эго* и *Альтер*, *внутренним* и *внешним*, *другом* и *врагом*. Обычно эти проявления выражаются экспрессивно, эксплозивно, массивно, воинственно. К ним принадлежат архаическое насилие кровавых жертвоприношений, мифическое наси-

лие ревнивых и мстительных богов, смертоносное насилие правителей, насилие как пытка, бескровное насилие газовых камер или виральное насилие терроризма. Правда, макрофизическое насилие может принимать даже более утонченную форму и выражаться, например, в виде речевого насилия. Как и физическое насилие, насилие причиняющей боль речи покоится на негативности, потому что оно является диф-фамирующим, дис-кредитирующим, де-градирующим или дез-авуирующим. Будучи *насилием негативности*, оно во всем отличается от *насилия позитивности*, ведь последнее исходит от превратившейся в спам речи, от переизбытка коммуникации и информации, от массовой речи, массовой коммуникации и массовой информации».

Сегодняшнее общество постепенно избавляется от негативности другого или чуждого. Уже процесс глобализации в ускоренном режиме стирает границы и различия. Аннулирование негативности все же не следует приравнивать к исчезновению насилия, поскольку наряду с насилием негативности существует насилие позитивности, которое осуществляется и безо всяких врагов и господ. Насилие — это не только чрезмерность негативности, но и чрезмерность позитивности, даже утрата всякой меры позитивного, что проявляется в сверхпроизводительности, сверхпроизводстве и сверхкоммуникации, что выражается в гиперпредупредительности и гиперактивности. Насилие позитивности, вероятно, фатальнее, нежели насилие негативности, поскольку оно совершенно невидимо и скрыто, а в силу своей позитивности обходит иммунные защиты. На смену инфекции, инвазии и инфильтрации, свойственным насилию негативности, ныне приходит инфаркт.

Топология насилия

Плод позднего модерна — производительный субъект* — свободен ровно в той мере, в которой он не подвергается подавляюще-репрессивному действию со стороны внешней инстанции господства. В действительности он настолько же несвободен, как и послушный субъект. Стоит преодолеть подавление извне, как возникает давление изнутри. Насилие по-прежнему существует, нисколько этим не умаленное. Оно перемещается внутрь. *Декапитация* — обезглавливание — в обществе суверенитета, *деформация* в дисциплинарном обществе и *депрессия* в обществе производительности** — три стадии топологического преобразования насилия. Насилие постепенно интернализуется, становясь психическим и невидимым. Оно все больше и больше избавляется от негативности другого или врага, замыкаясь на себе самом.

* Leistungssubjekt (нем.). Этот ключевой для Бён-Чхоль Хана термин в русскоязычном переводе книги «Агония эроса» передан А. С. Салиным как «субъект достижений». См.: Хан Бён-Чхоль. Агония эроса. Любовь и желание в нарциссическом обществе. — М.: Издательство АСТ, 2023. — Здесь и далее в постраничных сносках примечания переводчика, если не указано иное. Примечания автора в концевых сносках. — *Прим. пер.*

** Leistungsgesellschaft (нем.) — еще один ключевой термин. А. С. Салин передает его как «общество достижений».

7. Насилие глобализации

Хардт и Негри утверждают, что глобализация приводит к появлению двух противоборствующих сил. С одной стороны, возникает Империя, которая посредством постоянного контроля и перманентного конфликта учреждает децентрализованный, детерриторизованный капиталистический порядок господства. С другой стороны, глобализация приводит к появлению «множества», совокупности сингулярностей, которые коммуницируют и сотрудничают посредством сетей. Множество выступает *против* Империи *изнутри* самой Империи. Таким образом, Хардт и Негри предлагают новую версию классовой борьбы. Насилие, которое исходит от Империи, истолковывается как *эксплуатация со стороны другого*: «Массы являются реальной производительной силой нашего социального мира, тогда как Империя оказывается просто аппаратом захвата, существующим лишь за счет витальности масс. Империя — это, как сказал бы Маркс, паразитическая власть накопленного мертвого труда, озабоченная лишь тем, чтобы выжать побольше крови из труда живого»²⁰⁶.

Хардт и Негри уделяют недостаточно внимания политико-экономическим реалиям и конструируют свою теоретическую модель на исторически устаревших категориях вроде класса и классовой борьбы. Например, они определяют «массы» как класс: «В первом приближении масса есть совокупность всех, кто работает под господством ка-

питала, а значит, она потенциально есть класс, который способен противостоять господству капитала»²⁰⁷. Речь о классах получает смысл лишь изнутри плюрализма взаимодействующих и друг с другом конкурирующих классов. Масса, однако, с практической точки зрения есть *единственный* класс. К нему принадлежат буквально *все*, кто принимает участие в капиталистической системе. Поэтому ему не противостоит какой-то правящий класс, который нужно было бы низвергнуть. Империя не является правящим классом, эксплуатирующим пролетарскую массу. Скорее, масса пролетариев эксплуатирует себя сама. Негри и Хардт не признают этой *самоэксплуатации*. Дело как раз в том, что в Империи не правит *никто*. Она представляет саму капиталистическую систему — систему, которая охватывает собой все.

Как указывают сами Хардт и Негри, класс тогда и только тогда образует «коллективное целое», «когда он ведет общую борьбу»²⁰⁸. Существенной чертой класса является чувство принадлежности к нему, которое дает импульс для совместного действия. Но современному обществу сегодня свойственно как раз повсеместное исчезновение чувства принадлежности целому, исчезновение «*мы*». А политическая апатия и безразличие вместе с инфантилизацией общества делают совместное действие маловероятным. Глобальный мир населен не сингулярностями, которые решились совместно противостоять Империи, а изолированными Эго, которые ведут себя по отношению друг к другу антагонистически. Все, кто принимает участие в капиталистическом процессе производства, являются одновременно преступниками и жертвами. Там, где преступник оказывается жертвой, более невоз-

можно никакое сопротивление. Хардт и Негри не обращают внимания на эту особую топологию глобализации.

Социальная власть возникает исключительно из общего действия, из «мы». Эгологизация и атомизация общества радикально сужают пространство совместного действия, тем самым препятствуя образованию силы, которая смогла бы по-настоящему поставить капиталистический порядок под вопрос. *Socius* уступает место *solus*. Не множество, а одиночество становится отличительным признаком сегодняшнего общественного устройства. Уединение не порождает власть. Эту важнейшую особенность общественного развития Хардт и Негри не принимают в расчет и пускаются в воображаемый дискурс²⁰⁹, присягающий на верность романтически-коммунистической революции масс²¹⁰. Отсутствие противостоящей власти поддерживает неолиберальный экономический порядок. Этот последний вырабатывает огромную энергию присвоения, которая поглощает все вокруг и все конвертирует в капиталистическую формулу.

После заката коммунизма у капитализма не остается ничего внешнего, ничего, что могло бы представлять для него угрозу. Даже исламский терроризм не является воплощением равного по силе противоборствующего лагеря, которого капиталистической системе действительно стоило бы опасаться. Капитализм способен его абсорбировать и преобразовать под действием энергии системы, придав ему стабильную форму. Мыслима была бы только системная имплозия в результате перегрева и чрезмерного ускорения. Это имплозивное насилие отличается от эксплозивного насилия, которое распространяется вовне, как, например, в случае с классической вой-

ной, захватывающей новые территории. Эксплозивное насилие производит давление, направленное вовне. При имплозивном насилии давление направлено вовнутрь, потому что внешнее отсутствует. Внутри оно становится источником напряжения и деформации, из-за которых система ломается изнутри.

Наблюдаемые по всему миру насильственные конфликты, которые при этом лишены всякой общности, Хардт и Негри произвольно истолковывают так, будто они являются войной против Империи. В действительности же речь идет о конфликтах, которые могут и не иметь отношения к неолиберализму. Конфликты, на которые ссылаются Хардт и Негри, — студенческие волнения на площади Тяньаньмэнь, беспорядки на расовой почве 1992 года в Лос-Анджелесе, интифада, восстание в Чьяпасе или забастовка работников железной дороги во Франции — не указывают ни на какую идеологическую общность, ни на какую общую цель. Хардт и Негри сами утверждают, что между членами одного и того же противоборствующего лагеря нет никакой коммуникации, что они говорят на разных языках, что у них нет общего противника²¹¹, однако это не наводит их на мысль о том, что их собственный тезис несостоятелен. Как известно, без коммуникации не может возникнуть никакого совместного действия, а значит, не может появиться и противоборствующей силы. Хардт и Негри попросту приписывают им общее намерение, которого у них на деле нет. Отсутствие коммуникации, как можно догадаться из их текста, становится «новым видом коммуникации», «коммуникацией сингулярностей»²¹². Силы сопротивления не соединяются друг с другом «гори-

зонтально», но каждая из них по отдельности направляется «по вертикали, прямо к виртуальному центру Империи»²¹³.

Аргументы Хардта и Негри идут вразрез с фактами. Фактически сегодняшнее общество затронуто повсеместным процессом распада социального, распадом всего совместного и общего. Оно заметно атомизируется и партикуляризируется. Вопреки этому фактически наблюдаемому развитию они утверждают, что существенной чертой сегодняшних производственных отношений является «кооперация, коммуникация и общность», что якобы ведет к кризису частной собственности: «Сам концепт частной собственности, понимаемый как исключительное право использовать некое благо и распоряжаться всем достоянием, проистекающим из владения этим благом, в новой ситуации становится все более бессмысленным»²¹⁴. Вопреки их тезису, сегодня общность разрушается все сильнее. Приватизация захватывает даже душу. Распад всего, вокруг чего могла бы сформироваться общность, существенно снижает вероятность совместного действия. Хардт и Негри переоценивают силу сопротивления капиталистической неолиберальной системы. С точки зрения своего устройства она определяется тем, что эксплуатируемых от эксплуататоров очень трудно отличить, что преступники и жертвы сливаются до неразличимости. Не образуется никакого однозначного *против*, никакого ясно очерченного фронта, который противопоставил бы друг другу два противоположных лагеря, силы или класса. Эту особую топологию насилия Хардт и Негри совершенно не замечают. Так, они утверждают: «Хотя эксплуатация и господство пока еще ощущаются непосредственно,

плотью масс, они становятся столь аморфными, что не остается места, где можно было бы от них укрыться. И поскольку нет больше пространства, которое могло бы быть пронизано внешним, мы должны быть против повсюду»²¹⁵. Выходит, следует занять все места сразу и вопреки, однако остается неясным, *чему* мы должны оказывать сопротивление. Так фиктивная решимость масс исчезает в пустоте. Хардт и Негри очевидным образом не признают, что в Империи повстанцы очень быстро оказываются ее подельниками. Место насилия и эксплуатации больше не образует того, против чего следует бороться, поскольку каждый отныне эксплуатирует *самого себя*. Преступник является в то же время и жертвой. Эксплуатация со стороны другого становится самоэксплуатацией. Так появляется эксплуатация безо всякого господства, поскольку она совершается во имя свободы. Эта имманентность насилия приводит к тому, что исчезает любой противник, с которым можно было бороться напрямую.

Глобальная капиталистически-либеральная система, которую Хардт и Негри называют Империей, в действительности является тем внутримировым пространством конфликта, в котором человеческий род ведет войну *против самого себя*. Эта война тотальна, потому что она полностью совпадает с социальными отношениями и выдает себя за мир. «Далекий гул сражений» Фуко, который некогда доносился из недр дисциплинарных учреждений, сегодня становится основным тоном общества. Война проникает в душу каждого отдельного человека. Человек ведет войну не столько с другими, сколько с самим собой. Учитывая тотальность и имманентность войны, клас-